

ОТЕЧЕСТВО

1945
№ 11
ЦЕНА 10 К.
НА СТАНЦИЯХ
Ж.Д. 12 К.

ПЕРЕМЫШЛЬ

Оксфорда. Городъ небольшой — въ немъ 50,000 жителей, но благодаря университету это одинъ изъ самыхъ интересныхъ центровъ английской жизни.

Начать съ того, что университетъ въ настоящее время проявляетъ свою дѣятельность меньше всего въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ. Большая часть студенческаго состава и значительная часть преподавательскаго поступили на военную службу. Въ колледжѣ, къ которому я принадлежу (Corpus Christi College) обыкновенно числится 72 студента: въ текущемъ триместрѣ (term) ихъ двадцать два. Въ такой же пропорціи сократилось число слушателей въ другихъ колледжахъ и, въ общемъ, можно сказать, что двѣ трети

студентовъ временно выбили изъ университета. Остались американцы, большею частью стипендіаты С. Родса, цвѣтные всякаго рода — индусы, мулаты, японцы, и незначительный контингентъ англичанъ, не болѣе одной пятой обычнаго числа. Изъ этихъ большая часть не можетъ поступить въ войска вслѣдствіе физическихъ недостатковъ. Быть можетъ одна десятая осталась дома по экономическимъ условіямъ или неохотѣ служить. Иначе говоря, английскіе студенты Оксфорда, признанные способными къ военной службѣ почти поголовно поступили въ армию Кигчинера. Если въ семьѣ нѣсколько братьевъ, то это не мѣшаетъ имъ всѣмъ записаться въ полкъ.

Для примѣра сошлюсь на одну близкую намъ семью, въ которой старшій братъ, преподаватель средней школы, уже находится во Фландріи въ тяжелой артиллеріи, второй, технологъ — военный и занятъ постройкой мостовъ въ Сѣверной Франціи, третій, плантаторъ, только что вернувшійся изъ Восточной Африки — пѣхотный офицеръ, четвертый, ученикъ горнаго училища, поступилъ въ летчики, а пятый, оксфордскій студентъ, только что произведенъ въ офицеры по юманри (вздыгающая пѣхота). Остался лишь одинъ изъ шести братьевъ, да и то только потому, что на его рукахъ ферма въ Канадѣ, которую не на кого оставить. Какъ уже сказано, преподавательскій персоналъ нашего университета принимаетъ ревностное участие въ движеніи. Поступаютъ преимущественно, конечно, младше преподаватели, но не мало оставило насъ и людей средняго возраста, съ значительнымъ положеніемъ. Ушелъ въ пѣхотные поручики напр. Ридеръ (экстраординарный профессоръ по кафедрѣ римскаго права), нѣсколько тьюторовъ (преподавателей колледжей) по философскому, юридическому и историческому факультетамъ. Не мало случаевъ для шутокъ: про одного выдающагося специалиста по организациіи римской армии ходитъ молва, что онъ оказывается мало понятливымъ по современной строевой службѣ; зато одинъ изъ молодыхъ философовъ приводитъ заправскихъ офицеровъ въ изумленіе своими тактическими способностями. Быстрый переходъ къ военной службѣ и замѣщеніе офицерскихъ вакансій облегчаются различными обстоятельствами. Во-первыхъ, конечно, атлетическими навыками англичанъ. Ни одинъ нормально развитой англійскій мальчикъ не проходитъ черезъ среднія учебныя заведенія — public schools, preparatory schools и даже grammar schools не посвятивши значительнаго времени атлетическимъ играмъ, въ особенности футбольу и крикету, а, какъ извѣстно, эти игры, въ особенности футболъ, являются не только пробой силы и ловкости, но и школой смѣлости и умѣнья дѣйствовать заодно съ то-

варищами. Кроме того, во всех значительных школах и в университетах, имются так называемые части для офицерской подготовки (officers training corps), в которых молодые люди проходят различные военные предметы, учатся построениям, стрельбам, участвуют в маршах, разведках и маневрах. В обыкновенное время рутинная работа этих частей возбуждает мало интереса, но все таки большая часть гимназистов и студентов считают долгом пройти через курсы в этих частях.

В настоящую войну, конечно, эта предварительная подготовка дополняется усиленными упражнениями и обучением применительно к сокращенному сроку занятий. Город полон отрядами добровольцев в мундирах и в партикулярном платье, с ружьями и без ружей, которые маршируют и продвигаются различными эволюциями во всех парках и на всех площадях. Очень многие студенты поступили простыми рядовыми за недостатком вакансий и эти проходят службу, понятно, при особенно необычных и тяжелых условиях.

Других зачисляють заранее в офицерский состав, но во всяком случае и последние обязательно проходят четырехмесячный курс сокращенной выучки. Гоняют их нещадно, но судя по бодрому виду большинства, эти неожиданные выучки приносят скорее пользу в физическом отношении. Для преподавания тактики, устава, военной истории, кандидаты слушают лекции в различных центрах. Труднее всего орга-

низовать в Англии обучение стрельбам, так как мало подходящих стрельбищ для обучения на дальней дистанции. Дело сводится преимущественно на обучение прицелу и стрельбам миниатюрными зарядами, причем курс все таки обязательно заканчивается несколькими пробами стрельбы на дальние расстояния.

Всеобщее увлечение этой военной подготовкой выражается, между прочим, в образовании отрядов «старых» добровольцев. В эти отряды поступают без различия возраста и, повидимому, при самом незначительном минимуме медицинских требований. В шесть часов утра можно наблюдать, как выступают на учебное поле пожилые рекруты, впервые знакомящиеся с военной выправкой. Между ними немало людей с европейскими именами—известный радикал—профессор греческой литературы, известный историк древности, увенчанный лаврами поэт, директор Рескин колледж и т. п. Поэту лауреату около семидесяти лет, но он в свое время был выдающимся атлетом держал первое весло (Stroke) в лодке своего колледжа на гонках, и до сих пор выглядит молодцом. На вопрос, почему он подвергает себя такому тяжелому режиму, он отвечает: «если немцы явятся сюда, я не буду с ними вживлив». Недавно рот «пожилых» пришлось принять участие в довольно уморительном учении вместе с разведчиками (boу scouts), набранными из подготовительных школ мальчиками 13 и 14 лет. Несмотря на большое рзение ветеранов, им порядочно досталось от их несовершеннолетних товарищей по военному делу.

ПЕРЕМЫШЛЬ

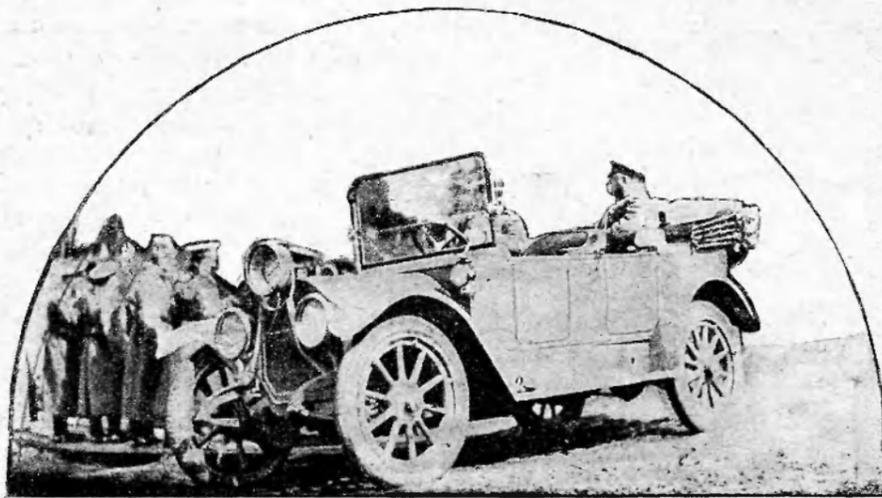
ПЕРЕМЫШЛЬ, иначе Пржемысль, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, время основанія котораго относится, по преданію, къ V столѣтію; въ X вѣкѣ Перемышль уже упоминается въ нашей лѣтописи, какъ городъ, имѣвшій крупное экономическое и военное значеніе; его осаждаютъ князь Олегъ, отправляясь въ походъ на Царьградъ въ 907 году.

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Перемышль былъ предметомъ спора между русскими и поляками; онъ неоднократно переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 981 году князь галицкій Владиміръ занялъ Перемышль; послѣ смерти Владиміра имъ завладѣлъ польскій король Болеславъ Храбрый. Въ 1031 году Ярославъ Мудрый снова занялъ Перемышль, и онъ становится удѣльнымъ русскимъ городомъ.

Въ княженіе Данила Романовича Галицкаго Перемышль былъ осажденъ несмѣтными полчищами дикихъ кочевниковъ-монголовъ; но Данилу удалось сохранить за собой Перемышль; этого онъ добился цѣной уничтожительной поѣздки въ ханскую ставку съ поклономъ.

Въ 1349 году Перемышль снова отходитъ къ Польшѣ и достигаетъ своего расцвѣта при королѣ Казимірѣ Великомъ, когда онъ пользовался полной автономіей. Въ этотъ періодъ Перемышль становится промышленнымъ и религиознымъ центромъ восточной Галиции, оспаривая первенство у Львова.

Борьба изъ за Перемышля между Русью и Польшей не прекращалась вплоть до 1773 года, т. е. до перваго раздѣла Польши, когда онъ достался Австріи вмѣстѣ со всей Галиціей, продолжая по духу своему оставаться славянскимъ, польскимъ городомъ. Съ этого времени начинается упадокъ Перемышля, онъ сталъ уѣзднымъ городомъ, утратилъ отчасти свое торговое значеніе и едва совершенно не заглохъ, какъ многие старые города, но его спасло рѣшеніе австрійскаго правительства пожелавшаго своей черной неблагодарностью Россіи поразить весь міръ, обратить Перемышль въ крѣпость. Въ 1849 году Россія спасла Австрію, а въ 1850 г. австріицы составили планъ укрѣпленія Перемышля, какъ оплота противъ Россіи. Съ 1853 г.

Пріѣздъ ген. Селиванова въ Перемышль.

ПЕРЕМЫШЛЬ

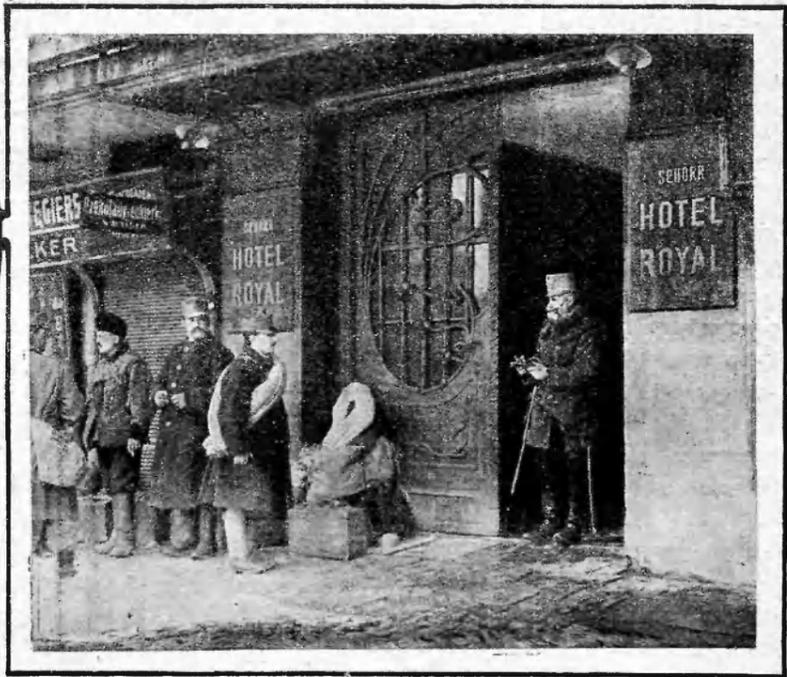
УЛИЦА НА БРАМЪ.

Австрийское открытое письмо
австрийскомъ аэропланѣ, в
время

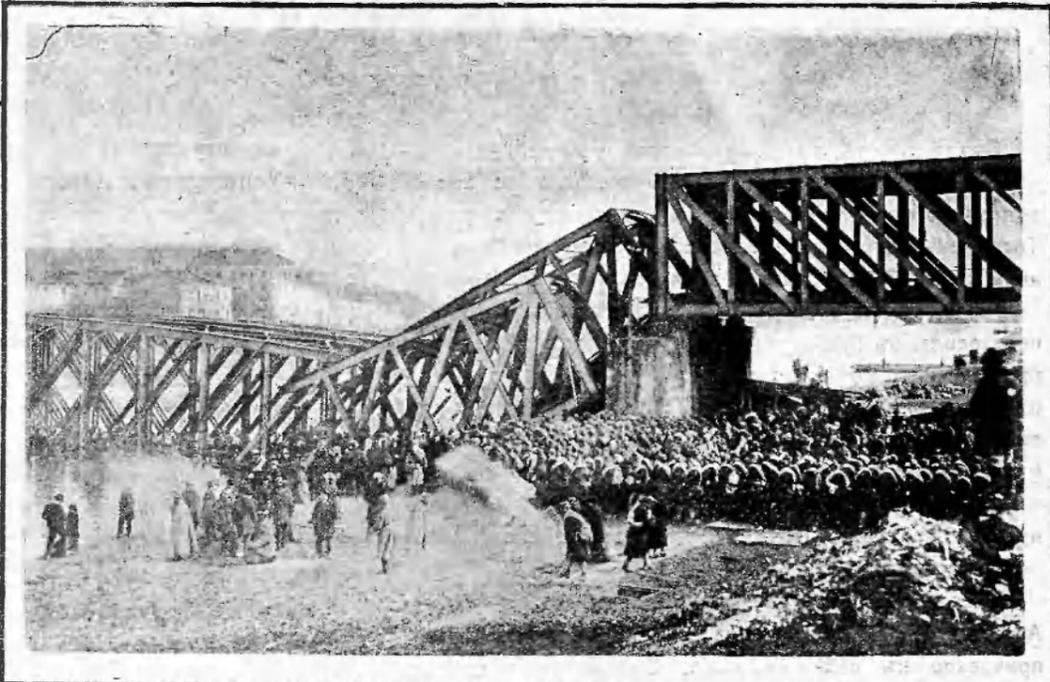

ПЕРВЫЙ РУССКІИ ГОРОДОВОИ
ВЪ ПЕРЕМЫШЛѢ

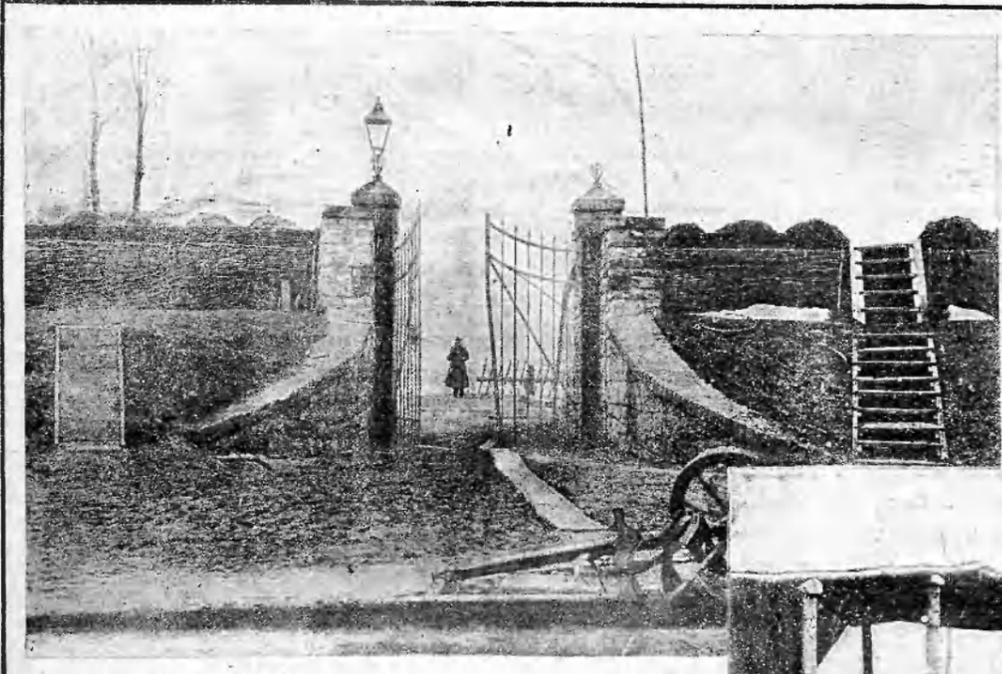

АВСТРИЙСКІИ ГЕНЕРАЛЪ
передъ выѣздомъ изъ Перемышля

ЫШДЬ

захваченное на подстрѣленномъ
стѣвшемъ изъ Перемышля во
сады.

РАЗРУШЕННЫИ МОСТЪ
ЧЕРЕЗЪ САНЪ

ВХОДЪ ВЪ ГЛАВНЫИ ФОРТЪ.

СИЛА СЛОВА.

РАЗСКАЗЪ.

Это было въ то время, когда у человѣка начинается отцвѣтатъ сердце, и онъ мечется по землѣ, полный смутныхъ видѣній, музыки горя и ужаса. Тотъ день нетрудно запомнить; въ моей памяти нѣтъ дней страшнѣй и блаженнѣе его, долгаго дня тоски.

Пыль, духота и жара стояли на улицахъ. Я тщетно переходилъ съ бульвара на бульваръ, ища тѣни; мухи преслѣдовали меня; воздухъ стоналъ отъ грохота экипажей. Пиво согрѣвалось въ стаканѣ раньше, чѣмъ выпивалось; все было отвратительно; тоска терзала меня. Мысли прыгали, какъ мальчишки, играющіе въ чехарду. И вдругъ, звонкимъ, далекимъ эхомъ вспыхнуло это, роковое, преслѣдующее меня слово:

— Арвентуръ.

Я повторилъ его, раздѣляя слоги:—Арвен-туръ.— Ар-вен-туръ.— Оно остановилось, засѣло въ мозгу, приковало къ себѣ внимание. Оно звучало приятно и немного таинственно; въ немъ слышалось спокойное обѣщаніе. «Арвентуръ»—это все равно, какъ еслибы кто посмотрѣлъ на васъ синими, ласковыми глазами.

Нѣсколько разъ подрядъ, беззвучно шевеля губами, я повторилъ эти девять буквъ. Въ звукъ ихъ былъ печальный зовъ, торжественное напоминаніе, сила и нѣжность; безконечное утѣшеніе, отдѣленное пропастью. Я былъ безсиленъ понять его, и мучился, пораженный грустью. Арвентуръ! Это не могло быть именемъ человѣка. Я съ негодованіемъ отвергъ эту мысль. Но что же это? И гдѣ?

Волны томительнаго напряженія вставали, падая вновь, какъ раненые солдаты. Ничего не было. Цѣпь смутныхъ видѣній, расплывающихся въ туманѣ. Арвентуръ! Слово это притягивало меня. Оно, какъ нѣчто живое, существовало внѣ мысли, и я тщетно стремился охватить его взрывомъ сознанія. Въ самомъ звукѣ его было нѣчто, не позволяющее сомнѣваться въ его правѣ на существованіе. Арвентуръ!

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по бульвару. Быть можетъ, это—название мѣстечка или деревни? Въ моей странѣ такихъ именъ нѣтъ. Возможно, что оно прочитано въ книгѣ. Почему же,—тогда прочитанное, оно не вызвало такой глубокой и нѣжной грусти? Арвентуръ!!

Взволнованный, я напряженно твердилъ это слово. Какой далекой, полной радостью вѣяло отъ него! Чужія страны развертывались передъ моими глазами. Смуглые, смѣющіеся люди проходили въ моемъ воображеніи, указывая на горизонтъ холмовъ.

— Арвентуръ!—говорили они.— Тамъ Арвентуръ!

Разсѣянный, въ подавленномъ настроеніи, я вышелъ на набережную. Навстрѣчу попадалось много знако-

мыхъ; мы строили любезнѣйшія гримасы, пожимали руки и расходились. Арвентуръ!—Это звенѣло, какъ воспоминаніе далекой любви. Я чувствовалъ себя смертельно обиженнымъ. Какъ могъ я, годами, въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ души выносить это слово и быть чужимъ ему? Утка на лебединомъ яйцѣ могла бы мнѣ посочувствовать. Арвентуръ!

Вечеромъ, на ужинѣ у знакомыхъ, я безпомощно улыбался, и говорилъ, что простуженъ. Я ѣлъ, презирая себя. Пилъ—мысленно давая себѣ пощечины. Три человѣка спорили о новомъ налогѣ. Еще три, наклонившись другъ къ другу, шептали двусмысленности, прыскавая въ соусъ. Сосѣдъ мой, съ головой, напоминающей рѣдьку, обратился ко мнѣ:

— Вы слышали, какъ блистательно я защитилъ интересы личности?

— Арвентуръ!—сказалъ я, впервые чувствуя, что вино крѣпковато.

Прошла минута молчанія. Мы пристально смотрѣли другъ другу въ глаза. Онъ притворился непонимающимъ. Онъ началъ снова свою идиотскую пѣсенку:

— Культура... благосостояніе... курсъ... протекционизмъ...

— Заведенная машина,—сказалъ я, съ ненавистью разсматривая человѣка-рѣдьку. Дрянная мельница!

Смутное воспоминаніе о раздвигаемыхъ стульяхъ, возгласы сожалѣнія—вотъ и все. Я вышелъ. Въ передней мнѣ дали шляпу. Легкій, спокойный воздухъ кружилъ голову. Слезы душили меня, не принося облегченія. Арвентуръ! Пусти меня въ свои стѣны, хрустальный замокъ радости, — Арвентуръ!

И эхо повторило мой крикъ отчаянія. Бѣлыя птицы, медленно взмахивая крыльями, летѣли, во тьмѣ, къ морю.— Арвентуръ!—кричали онѣ.— Я не могъ двинуться съ мѣста; обхвативъ руками фонарный столбъ, я плакалъ отъ невыразимой тоски. Я боялся думать, страшился оскорбить плоскимъ, ограниченнымъ представленіемъ нетлѣнную красоту слова. Одну роскошь я позволилъ себѣ: цѣпь синихъ холмовъ. Вершины ихъ дымились, какъ жертвенники.

— Тамъ Арвентуръ!—твердилъ я.

Кругъ мысли, очерченный безмолвіемъ, карманный ночной фонарь, образъ наѣздника, лужа изъ бѣлаго и сѣраго мозга, зеркальце съ фольгой, засиженное мухами—я бы разбилъ тебя тысячи и тысячи разъ, не будь этой пыли алмазовъ, отшлифованныхъ въ небесахъ, этого сладкаго проклятія и жестокой надежды—вѣрить, что Арвентуръ—есть.

А. С. Гринъ.

ХВАЛА.

Господь, живой въ Твоихъ святыхъ!
Когда бь сто усть златыхъ,

Сто огненныхъ имѣль сердець
Отечества пѣвецъ,—

Не могъ бы все-жь достойно онъ
Сказать того, что звонъ

Изъ тайныхъ Китежскихъ глубинъ
Вѣщаетъ днесъ одинъ:

„Земля побѣдой спасена,
Весной Земля красна;

„И какъ незримо въ небеси,
Такъ въявь на Руси

„Творится Воля“,— рѣетъ звонъ,—
„Твоя, Отець временъ!“

Вячеславъ Ивановъ.

9 марта 1915 г.

„СТОЛБЕЦЪ ТЕРЗАНИЙ“.

Письмо изъ Лондона А. Бакии.

Какъ то давно это уже такъ повелось, что о жизни чужого народа, о томъ, что онъ думаетъ и что и какъ онъ дѣлаетъ, судяты обычно по его печати. Произойдетъ ли какое-либо крупное сраженіе, или министръ произнесетъ рѣчь, или умретъ какая-нибудь знаменитость, и по всему міру тотчасъ же летятъ телеграммы, извѣщающія всѣхъ и каждого, что «Times» по этому поводу написалъ вотъ то то, а «Temps» высказался такъ-то. А на слѣдующій день собственные уже обозрѣватели спѣшатъ освѣдомить публику, что «английскій народъ не остановится ни передъ какими жертвами, чтобы уничтожить до основанія твердыню прусскаго милитаризма», а «Франція съ презрѣніемъ отвергаетъ злостныя измышленія нѣмецкихъ офицеровъ».

Нужно ли говорить, что подобныя заявленія передовыхъ статей, пустяки и безсодержательныя при всей своей претенциозной торжественности, а на ряду съ ними и значительная часть фактическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ газетахъ, даютъ очень туманное представленіе о жизни и настроеніяхъ чужого народа. А главное, до чего неимоверно безплотенъ,—сухъ и холодно-мертвъ, весь этотъ газетный матеріалъ.

Лишь на немногихъ газетныхъ страницахъ можно столкнуться съ тѣмъ, что подлинно дышетъ, остро и твердо своей реально-стью, что своей «непроницаемостью» загораживаетъ вамъ путь

и принуждаетъ остановить на немъ вашъ взоръ. Таковы отдѣлы писемъ въ редакцію и объявленій, и таковъ въ особенности знаменитый, ставшій почти историческимъ «столбецъ терзаний»,— «the agony column», въ «Times'ѣ».

Официально столбецъ этотъ именуется отдѣломъ «личныхъ сообщений» — «personal» и отъ сосѣднихъ мелкихъ объявленій отличается развѣ что лишь болѣе высокой построчной платой. Но онъ недаромъ получилъ свое характерное названіе.

Въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ онъ исполнялъ роль какого-то, открытаго просцениума, ярко освѣщеннаго среди окружающей темноты, на который непрерывно, изъ невѣдомыхъ глубинъ выплывали какія то трепетныя тѣни,— однѣ — тихія, другія — задорныя, третьи—злбныя, чтобы бросить въ пространство, къ скрытымъ безмолвнымъ слушателямъ кто свой вопль, кто свой призывъ, кто свой гнѣвный протестъ. Измученные въ борьбѣ за жизнь, отчаявшіеся, разбитые приходили сюда съ послѣдней надеждой найти откликъ своему горю, встрѣтить участие и помощь. Тайные любовники тихо нашептывали мѣсто свиданія. Воздыхатели, раненые въ сердце, взывали къ милосердію своихъ жестокихъ кумировъ. Возмущенные «ближними» обыватели за шесть шиллинговъ облегчали здѣсь свою душу. Приходили словомъ всѣ страждущіе, всѣ бившеся въ схваткахъ «агонии», чтобы на подмосткахъ этихъ передъ людьми найти облегченія своимъ мукамъ.

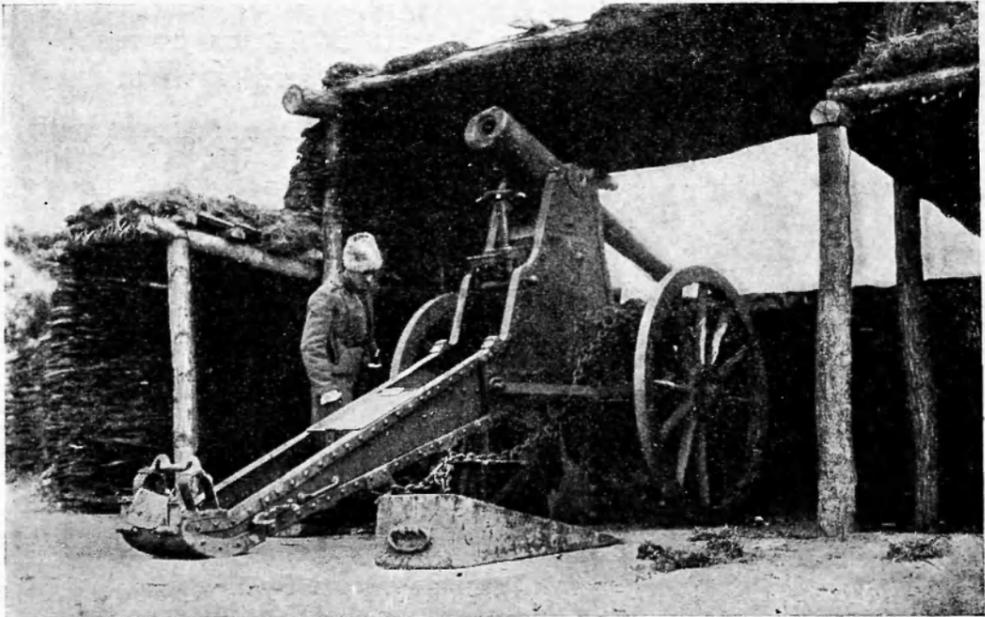
Война внесла свою щедрую лепту въ неистощимую сокровищницу человеческого горя, и «столбецъ терзаний» обогатился безчисленными призывами, сообщениями и заявлениями, ярче, можетъ быть, чѣмъ какія либо другія произведенія пера, отразившими многія, часто совершенно недоступныя взору стороны народной жизни.

.....

Отъ горя по убитымъ и безвѣстно пропавшимъ переходимъ къ заботамъ о живыхъ. Всѣ, кто только можетъ, вызываютъ здѣсь о приношеніяхъ теплой одежды, табакомъ и всякими лакомствами, чтобы хоть сколько-нибудь украсить походную жизнь солдата. И призывы эти не остаются безъ отклика. Посылки приходятъ десятками тысячъ. Каждая сердобольная дѣвица занимается теперь вязаньемъ чулокъ и перчатокъ, а еще большее число разыскиваетъ адреса «одинокихъ солдатиковъ», сиротливо тоскующихъ на далекихъ поляхъ чужой страны, чтобы прислать имъ коробочку шоколада, печеній и прочихъ лакомствъ. И не только лакомствъ. Вотъ, напр., любопытное объявленіе: «Дѣвушка, жаждущая что-нибудь дѣлать, была бы чрезвычайно рада писать письма кому-нибудь изъ отправляющихся въ дѣйствующую армию, кто, можетъ быть, иначе не ждетъ ихъ въ большемъ числѣ». Надо надѣяться, что желаніе это было удовлетворено, хотя боюсь, что въ данномъ случаѣ жажда была не столько писать письма, сколько получать ихъ съ фронта. Охъ, это такъ увлекательно интересно! Впрочемъ и совершенно безкорыстная помощь достаточно щебра и обильна. Сужу объ этомъ со словъ одного солдата, только что возвратившагося изъ бельгійскихъ траншей (англичане даже въ дѣйствующую армию перенесли свою систему непродолжительныхъ отпусковъ для отдыха—традиционный «holiday»). Никогда, сознался онъ, не приходилось ему жить въ такой степени «вслать», какъ со времени поступленія въ дѣйствующую армию. А онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и былъ однимъ изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ въ его отрядѣ.

О нуждѣ говорить и другая обширная группа объявленій въ «столбцѣ терзаний». Здѣсь прежде всего личныя просьбы молодыхъ, только что поступившихъ въ армию, офицеровъ о помощи предметами вооруженія и обмундировки. Правительственнаго пособия, выдаваемого для этой цѣли, оказывается, часто не хватаетъ въ виду поднявшихся цѣнъ на эти предметы. И вотъ одно за другимъ объявленія вызываютъ о томъ, что «не поможетъ ли какой-нибудь патріотъ молодому нуждающемуся офицеру «приобрѣсти шашку, сѣдло, револьверъ и походныя принадлежности».

Нуждаются однако не одни офицеры. Война разрушила благосостояніе тысячъ семействъ, неожиданно очутившихся въ состояніи безвыходной нужды. И «столбецъ терзаний» отражаетъ это десятками появляющихся ежедневно объявленій, въ которыхъ несутся мольбы о немедленной помощи: ссудой, пріютомъ вещами,—чтобы лишь перебиться кой-какъ до лучшихъ временъ спастись отъ иначе неизбежной гибели.

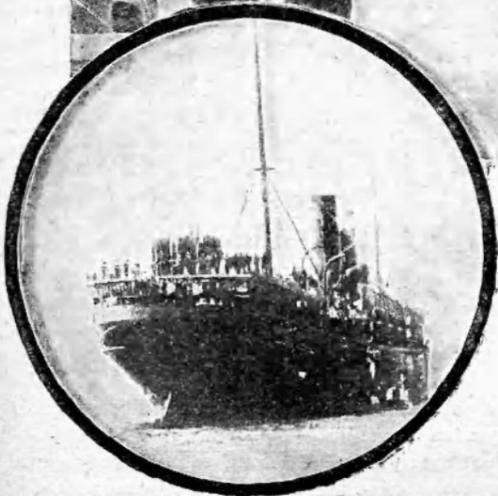
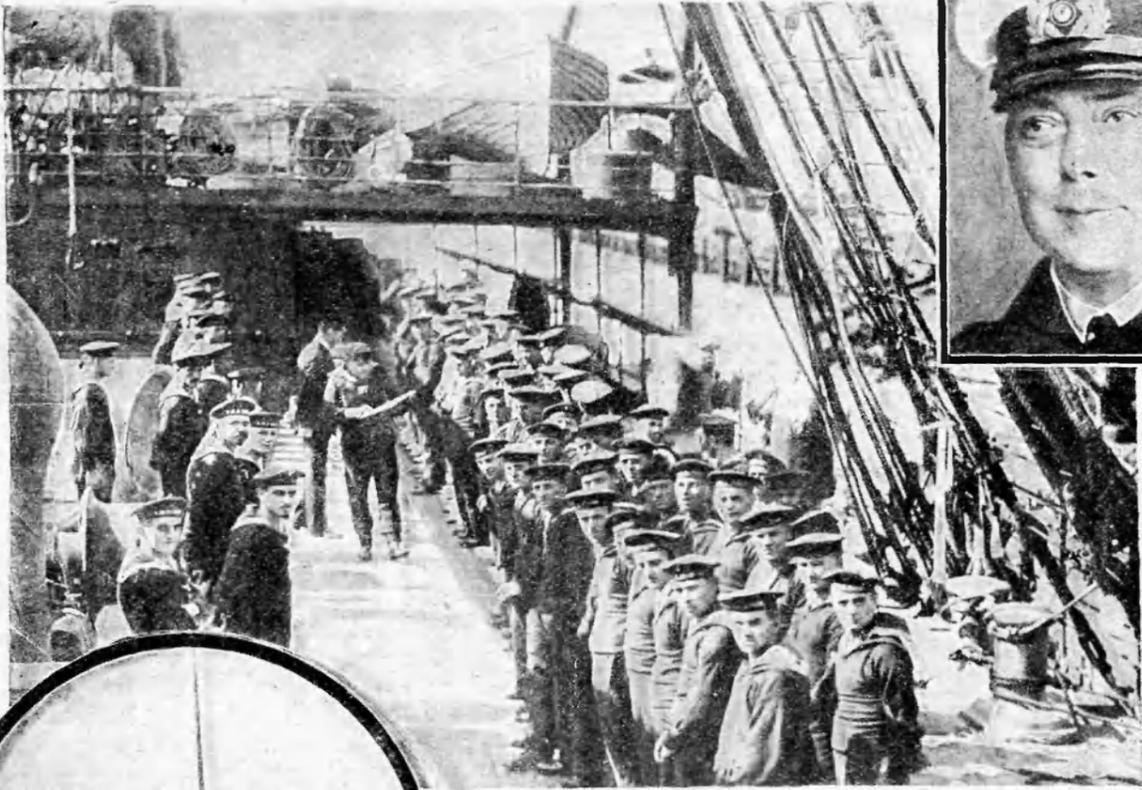
ПЕРЕМЫШЛЬ. ПОДБИТОЕ ОРУДИЕ.

О бремени войны говорить и слѣдующій трогательный призывъ: «Молодая женщина (19-ти лѣтъ), жена интеллигентнаго труженика, находящаяся благодаря войнѣ въ чрезвычайно стѣсненномъ положеніи, съ благодарностью приняла бы въ даръ коляску, свивальникъ и платье для ихъ перваго ребенка». На ряду съ этимъ встрѣчаешь призывы и другого, довольно, надо замѣтить, популярнаго типа. «Молодой оптимистъ—говорится въ одномъ изъ нихъ—убѣжденный въ существованіи на свѣтѣ сотенъ и сотенъ добросердечныхъ, милосердныхъ и не своекорыстныхъ людей, приглашаетъ одного изъ нихъ обезпечить ему его будущее и тѣмъ освободить его отъ всякихъ дальнѣйшихъ безпокойствъ въ этомъ направленіи».

Успѣхъ этого призыва приведетъ въ смятеніе многихъ, придерживающихся взглядовъ, оскорбительныхъ для богатаго класса. Интересно, оправдывается ли оптимизмъ въ наше время хотя бы настолько, чтобы можно было возмѣстить расходы по публикаціи подобныхъ объявленій. «Ни одинъ британецъ—читаемъ мы въ другомъ объявленіи—не станетъ роптать по поводу новаго увеличенія походнаго налога. Но хотя душа и готова къ жертвѣ, можетъ легко случиться, что кошелекъ для этого недостаточно тугъ. Невозможно ли было бы поэтому съ лицъ, зарабатывающихъ тысячу фунтовъ и менѣе, собирать налогъ по четвертямъ года или даже помѣсячно?» Оказывается, даже доходъ въ «тысячу фунтовъ и менѣе» (т. е. отъ 10.000 рублей) не спасаетъ челоука отъ бремени войны. Кто не посочувствуетъ?

Блаженъ онъ, иже и скоты милуетъ: «Леди В. желала бы присматривать за собакой солдата, уходящаго въ дѣйствующую армию; предпочтительнѣе—смѣшанной масти, такъ-какъ для такихъ труднѣе найти пріютъ. Если того желаютъ, собака будетъ возвращена послѣ войны. Но она должна быть тихаго нрава и привыкшей къ дому, такъ какъ леди желаетъ домашнюю собаку» Это изъ октябрьскихъ объявленій.

А вотъ откликъ изъ ноябрьскихъ: «Вопросы: сколько сотенъ тысячъ собакъ бѣгаетъ по Лондону? Во сколько онѣ обходятся? Сколько голодныхъ бельгійцевъ и французовъ можно было бы поддержать на эти деньги? Сколько удобствъ можно было бы

Германский крейсер «Принц Эйтель-Фридрих» сдавшийся въ американскомъ порту Ньюпортъ-Ньюсъ. Команда крейсера. Капитанъ крейсера г Тирихни.

доставить нашимъ войскамъ?» Какая въ этихъ двухъ примѣрахъ подлинная чертоззменная смѣсь оывательскаго прожестерства, сентиментализма и патриотическихъ чувствъ! Развѣ можно найти что-нибудь подобное въ передовицахъ?

«Одни полагаютъ вѣру свою въ колесницы, другіе въ коней. Но мы будемъ помнитъ имя Гослода Бога нашего. Псаломъ XX». Объявитель, видимо, не удовлетворенъ английской печатью, въ противоположность Вильгельму II-му совершенно не касающейся вопроса, на чьей сторонѣ почтеть расположеніе Высшей Силы. Я очень сомнѣваюсь, чтобы ему удалось склонить къ своей вѣрѣ даже архіепископа Кентерберискаго.

А о газетчикахъ ужъ, конечно, и говорить не приходится. Врядъ-ли также имѣлъ бы онъ какой-нибудь успѣхъ и у автора слѣдующаго объявленія: «Пессимистически-настроенный американецъ, посѣтитель популярнаго Лондонскаго ресторана, можетъ принять къ свѣдѣнію, что произвоидое имъ во всуслышаніе битье объ закладъ относительно «вѣроятнаго успѣха» нашихъ враговъ въ такой же мѣрѣ противно его сосѣдямъ, въ какой оно можетъ оказаться невыгоднымъ и даже не безопаснымъ для него самого». Увѣщаніе это нашло свой откликъ. «Если лицо,

обратившееся вчера въ этомъ столбцѣ къ пессимистичному американцу, сообщить подробности «оптимистичному американцу» то послѣдній охотно возьмется сдѣлать соотвѣтственныя представленія, со всей необходимой или желательной твердостью, своему безтактному и заблуждающемуся соотечественнику». Въ безтактности, однако оказываются позинны не одни только американцы. «Вѣроятно отсутствиемъ м у ж ч и н ь, занятыхъ болѣе полюбавшей имъ работой, изъ среды членовъ одного гольфъ-клуба подъ Лондономъ, приходится объяснить тотъ фактъ, что натурализованный врагъ иностранецъ можетъ безнаказанно развлекать оставшихся «спортсменовъ» превознесениемъ германскаго оружія, прославлениемъ германскихъ успѣховъ и предсказываніемъ занятія Англии германцами». Мнѣ невольно вспоминаются тутъ слова многихъ англичанъ, рядовыхъ обывателей, которыя приходилось такъ часто слышать послѣ гибели «Эмдена»: «Нѣтъ, что ни говорите, а капитаномъ Мюллеромъ нельзя не восхищаться. He is a sport!» Такъ англичане понимаютъ тактъ и отношеніе къ противнику!

Зато къ самимъ себѣ они иногда излишне строги. Рекрутирование нзвой армии и вызванныя этимъ въ общество патриотическія чувства нерѣдко отражались причинениемъ незаслуженной боли многимъ ни въ чемъ неповиннымъ людямъ. Вотъ типичный образецъ господствующихъ настроеній.

«В о п р о с ы: зачѣмъ позволять всѣмъ, позорно отлынивающимъ отъ исполненія долга, обладать избирательнымъ правомъ? зачѣмъ позволять имъ сохранять право на пенсію для престарѣлыхъ? Нужно уничтожить привилегіи, когда отказываются отъ исполненія обязанностей!»

При такомъ отношеніи, не разбирающемъ ни правыхъ, ни виновныхъ, неудивительно, что возможны случаи въ родѣ слѣдующаго: «Я

молодой человек, шести фугов ростом, выглядящий очень здоровым и сильным. По внешности я идеальный солдат. Тем не менее, по причинам, которые удовлетворили бы самых придирчивых критиков я лишен возможности поступить в армию. Кто посоветует мне, как избежать общественного бой-

кота со стороны большинства мужчин и всех женщин? Указания и советы были бы приняты с благодарностью тем, кто без всякой с его стороны вины, повержен в уныние, одиночество и является буквально, «изгоем».

На ряду с этой душевной драмой вот другая, тоже результат безразборчивой нетерпимости. «Где справедливость?—Англичанин-патриот, за спиной и ложно обвиняемый в нелояльных поступках и чувствах жедаль бы снести с другими, находящимися в таком же положении, или с теми, кто сочувствует ему. Цель—активные шаги».

С особой силой разгорелись патриотические страсти по вопросу о футболе: продолжать ли во время войны состязания профессиональных футболистов, или немедленно прекратить их и заставить всех участников поступить в армию? В «столбце терзаний» спор этот нашел очень яркое отражение. «Немедленно требуются юбки для футболистов,—анонсирует один. В этом костюме гарантируется бесплатный удар носком». «Величайшая нужда Англи—лишить другой—это бомба с цеппелина в самую середину футбольного поля в субботний день». «Неужели слѣдить за игрой в футбол—несется отвѣтъ с другой стороны—заслуживает большего порицания, чѣм наслаждаться в театрах рѣзвыми колѣндами и кунштюками здоровых молодых хористов и статистов?»—«Почему бы не создать «изящной» фирмы, чтобы привлечь в ряды армии наших молодых «аполлонов?» Что-нибудь такое, гармонирующее с гелиотроповыми носками, лавандовыми перчатками, житетам в крапинках и блѣдно-лиловыми носовыми платками, произвело-бы на них «неотразимое» впечатление. Хаки-цаѣть так неромантичен!»—«Согласуется ли нынѣшнее возмущение против футбола с духом Дрейка, продолжавшего играть в кегли при приближении испанской армады?» Наконец еще одно возражение: «Среди наиболее ожесточенных противников футбола в настоящее время имѣются безчисленные посетители тотализаторов, охотники на лисичь и голфисты. Почему?» Возражения против нападок на футбол, надо замѣтить, возымѣли свое дѣйствие,—национальная футболистская организация постановила продолжать всѣ намѣченные состязания, и вся газетная компания немедленно же прекратилась. Не знаю только, перестал ли послѣ

ПЕРЕМЫШЛЬ. РАЗГРУЗКА ХЛѢБА.

ними двумя существами земля, и я оказалась бы на одномъ и томъ же материкѣ, что и вы, то я эмигрировала бы!» Или можетъ быть преклонение передъ смѣлостью руководило авторомъ объявленія: «Каска гусара «мертвой головы» требуется дамой?»

Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что война не совершенно изжала изъ жизни чувства менѣе воинственные. Вотъ доказательство: «Прекрасной незнакомкѣ, которая такъ жадно пожираетъ глазами данный стѣбецъ объявленія, вѣдучи поѣздомъ въ 8 ч. 55 м. утра изъ Сербитона. Нѣсколько почтительныхъ и покорныхъ поклонниковъ желали бы видѣть васъ улыбающейся».—«Прекрасной незнакомкѣ.—Искренняя благодарность «сезоновъ» и свободное распоряжение мѣстомъ въ углу симъ единогласно приносится къ вашимъ стопамъ».—«Улыбающемуся кавалеру.—Не вы ли злостный преступникъ? Если вы, то вамъ разрѣшается лично принести свои извиненія.—Прекрасная незнакомка».—«Прекрасной незнакомкѣ».—«Сезоны» поѣзда отъ 9.18 симъ почтительно ходатайствуютъ, чтобы вы нѣсколько замедлили вашъ уходъ и на нѣсколько минутъ обратили бы на нихъ сіяние вашего свѣтлаго лица».—На этомъ переписка прервалась. Читатель, не заинтересованы ли вы? Что это за «сезоны» такіе и что это за улыбающіися кавалеръ? И сколько здѣсь «прекрасныхъ незнакомокъ»? О, вѣчныя тѣни Пьеро и Арлекина и «прекрасной незнакомки» Коломѣины! Война никогда не прогонитъ, не за мить васъ!

«Англичане! Пожалуйста употребляйте слова: «Британія» «бриганскій», «бритъ», когда рѣчь идетъ о Соединенномъ королевствѣ или Имперіи—по меньшей мѣрѣ, хотя бы во время войны!» Здѣсь явно задѣто национальное самолюбіе какого-нибудь шотландца, валійца или ирландца. И отвѣтное объявление, напоминающее, что большинство населения Соединеннаго королевства чистые англичане,—тутъ врядъ ли поможетъ. «Clonish Scot» неизмѣнно преданный поклонникъ своей колокольни, долженъ чувствовать эту обиду съ особой горечью.

Такъ, одна за другой проходятъ передъ нами по освѣщеннымъ подмосткамъ, марionеточныя тѣни, словно ходячія «вещи въ себѣ» трансценденно разыгрывающія передъ скрытыми зрителями вѣчную комедию и драму «человѣческаго, слишкомъ человѣческаго».

Александръ Бакии.

этого примѣняться слѣдующій советъ: «Молодая дѣвушка Англи! Помните, чтобы уберечь себя отъ угрызени совѣсти, что только смѣлые имѣютъ право на прекрасныхъ!» Или можетъ быть имъ объясняется титаническая ненависть вотъ этого объявленія: «Джемсу А.—Поймите разъ навсегда, что если бы мы были даже послѣд-

Федоръ Сологубъ.

ВОЙНА.

СТИХИ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль от издания поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

Леонидъ Доброправовъ.

РАЗСКАЗЫ.

цѣна 1 руб.

Чистая прибыль от издания поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

**ВОЙНА
ВЪ ЦИФРАХЪ.**

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной истории. Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армии.—Напряженность и колебания отд. войск.—Причины обуславлив. исходъ войны.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери, людьми и матеріальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствие военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войны.

цѣна 50 коп.

Леонидъ Андреевъ.

**КОРОЛЬ,
ЗАКОНЪ и СВОБОДА.**

ПЬЕСА въ 6 картинахъ.

цѣна 75 коп.

**ПЕРВАЯ * * *
* * * СТУПЕНЬ.**

(о еврейскомъ вопросѣ).

цѣна 20 коп.

Чистая прибыль поступаетъ въ „Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны“.

Изданная отдѣльной брошюрой горячая статья Л. Андреева говоритъ о мучительнѣйшемъ вопросѣ русской совѣсти,—вопросѣ еврейскомъ; только съ разрѣшеніемъ его въ смыслѣ полной ликвидаціи еврейскаго безправія исчезнетъ, по образному андреевскому слову, горбъ, неподвижный и уродливый наростъ съ русской спины. Съ этимъ горбомъ, съ неликвидированнымъ еврейскимъ вопросомъ Россія—уредъ въ семьѣ европейскихъ народовъ, она «неразгаданная угроза культурѣ Европы». Кому можетъ быть выгодно такое наше положеніе урода и «варвара»? — Только Германия,—отвѣчаетъ Леонидъ Андреевъ,—русскій антисемитизмъ—козырь въ нѣмецкой игрѣ. Война принесла русскому обществу великую жажду самоуваженія. Но «начало нашего самоуваженія, безъ котораго Россія не быть,—конечъ еврейскихъ страданій». «Пройдутъ черныя дни войны,—заканчиваетъ авторъ свою статью,—и нынѣшніе «варвары—германцы» снова станутъ культурн. германцами, къ голосу которыхъ снова будетъ прислушиваться міръ. И необходимо, чтобы ни зтотъ голосъ и никакой другой уже больше никогда не произнесъ во всеуслышаніе; варвары русскіе».

Русск. Вѣд.

Алексѣй Ремизовъ.

**ЗА СВЯТУЮ
РУСЬ.
ДУМЫ О РОДНОЙ
ЗЕМЛѢ.**

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль от издания поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Александръ Блокъ.

**СТИХИ
О РОССИИ.**

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль от издания поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

А. Гринъ.

**ЗАГАДОЧНЫЯ * * *
* * * * * ИСТОРИИ.**

цѣна 1 руб.

Содержаніе № 11. Проф. П. Виноградовъ. Оксфордъ на военномъ положеніи. ♦ Г. П. Перемышль. ♦ А. С. Гринъ. Сила слова. Разказъ. ♦ Вяч. Ивановъ. Хвала. Стихи. ♦ А. Бакши. Столбецъ терзаній. Рисунки В. Бѣлкина.

СФО

ОТЕЧЕСТВО

Иллюстрированная летопись жизни.

В знаменательный исторический момент, когда все народы, населяющие нашу родину, в борьбе с врагами выковывают счастье и величие России, журнал „Отечество“ ставит своей задачей всестороннее освещение событий творящейся жизни. Уделяя преимущественное внимание вопросам будущего строительства родины, „Отечество“ девизом своим ставит: *мирное сожительство, преуспяние и равенство всех граждан России, всех народов ее*. В развитии культурно-национальных ценностей каждой отдельной народности—залог величия объединяющей все эти народности России, которая является *отечеством для всех*.

В литературном отделе журнала поместили свои произведения:

Леонидъ Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Ахматова, А. Н. Бенуа, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, М. Горькiи, Г. Гребеншиковъ, А. С. Гринъ, Н. С. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, Л. Добронравовъ, Е. А. Зноско-Боровскiй, Вяч. Ивановъ, А. Изгоевъ, Игорь-Съверьянинъ, Д. А. Крючковъ, П. Н. Милуковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Пэрсъ, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссь, М. А. Славинскiй, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, П. Б. Струве, В. Танъ, М. Толмачева, Тэффи, С. Л. Франкъ, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шишковъ, Г. Н. Штильманъ, П. Е. Шеголевъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ВЪ ЖУРНАЛѢ

ОТЕЧЕСТВО

принимаются въ главной конторѣ, Невскiи 55, тел. 248-77, по цѣнѣ за строку нонпареля: до текста 1 р., послѣ текста 80 к., за страницу 300 р. Публикации въ краскахъ, по рисункамъ художниковъ, по соглашенiю. По первому требованiю (можно по телефону) главная контора командируетъ агентовъ.

Въ художественномъ отделе журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскiй, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскiй, Н. Кульбинъ, Б. Кустодиевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Радловъ, Реми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ, и др.

Редакторъ-Издатель

З. И. ГРЖЕБИНЪ.

Прiemъ подписки производится во всехъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Империи.

Въ отд. продажъ

10 коп.

На станц. ж. дор.

12 коп.

„Отечество“ имѣется въ продажѣ у всехъ газетчиковъ и на ст. Ж. Д.

Пробный номеръ высылается за 15 к. марками.

Цѣна Подписки:

съ доставкой и пересылкой

на годъ на полгода

7 руб. 3.50 коп.

РЕДАКЦIЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА: ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКIЙ пр., 55.

Непринятые рукописи не возвращаются.